
ЭЛИКА РАЙТ
НА ЛИНИИ ПУЛЬСА
18+

Элика Райт
На линии пульса

https://litres.ru/74716047
SelfPub; 2026

Аннотация

Натали Блэк умеет спасать жизни. Маттео Романо — отнимать.

Она приехала в Майами, чтобы стать хирургом. Он искал снайпера, которому сможет доверить свою жизнь.

Натали стоило выбросить визитку, полученную после вечера в тире. Но любопытство привело её в кабинет главы Falco Nero. А любовь заставила остаться.

Теперь у неё есть работа, о которой нельзя рассказать матери, и мужчина, которого страшно потерять.

Особенно когда его жизнь оказывается в её руках — а в руках у неё винтовка.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

На линии пульса

Пролог

Прежде чем мы познакомимся с Натали и Маттео, мне нужно кое в чём признаться.

Эту историю я выдумала.

Всю — вместе с людьми, организациями и обстоятельствами, которые однажды показались мне достаточно убедительными, чтобы занять несколько сотен страниц. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Если вы всё-таки узнали своего знакомого, обсуждайте это с ним исключительно на свой страх и риск. Особенно если узнали Маттео.

Дальше герои будут влюбляться, ошибаться и нарушать закон. Иногда — почти одновременно. Автор не поддерживает насилие, незаконный оборот оружия и наркотиков, торговлю людьми или другую преступную деятельность. Привлекательный мужчина в хорошем костюме не становится от этого менее ответственным за свои поступки. Хотя героине, возможно, потребуется некоторое время, чтобы перестать смотреть на его плечи и вернуться к этому вопросу.

«На линии пульса» я написала как бульварный роман: с любовью, опасностью, упрямыми людьми и чувством юмора, которое иногда работает лучше инстинкта самосохранения.

Мне хотелось подарить вам несколько вечеров, когда можно забыть о повседневных делах, переживать за чужие неприятности и радоваться тому, что хотя бы сегодня разбираться с ними придётся не вам.

Есть здесь и медицинский вымысел. Средство, над которым работает Натали и которое должно дать врачам дополнительное время при тяжёлой тромбоэмболии лёгочной артерии, — моя фантазия. Именно такого препарата в реальности пока нет. Это не означает, что ТЭЛА нечем лечить: выдумано конкретное открытие героини. Книга не заменяет медицинских знаний и настоящей помощи.

Но мне очень хочется верить, что однажды неизлечимых заболеваний и состояний, которые сегодня называют безнадёжными, станет меньше. Что у врачей появится больше возможностей, а у тех, кто ждёт за дверью операционной, — больше надежды. Желательно поскорее. У человечества и без того достаточно поводов нервничать.

Пока я писала эту историю, рядом со мной почти всё время звучал «Почерк» Вани Дмитриенко. Если захотите разделить со мной её атмосферу, включите эту песню. Возможно, она останется с вами и после последней страницы.

А теперь устраивайтесь удобнее. Можно взять кофе — с молоком и корицей, если хотите сразу найти с героями общий язык.

Желаю вам приятного чтения. И если сегодня вы ляжете спать немного позже, я постараюсь не испытывать угрызений

совести.

Элика Райт

Глава 1

Майами, 10.06.2026

Натали

Мой чемодан не выходит.

В отличие от меня, он, видимо, ещё не решил, готов ли начинать новую жизнь в Америке.

Я стою у багажной ленты и в третий раз наблюдаю за розовым пластиковым монстром с зелёной ленточкой на ручке. Следом плывёт спортивная сумка, обмотанная плёнкой так старательно, будто внутри семейная тайна.

Моего чемодана нет.

Под потолком перекатываются объявления, за спиной скрипят колёса тележек. Пахнет кофе. Обычно этого достаточно, чтобы я хотя бы посмотрела в сторону источника, но сейчас от усталости хочется лечь прямо на ленту.

Телефон показывает местное время. Организм возражает: для него я должна находиться совсем в другом месте и желательно уже спать.

Я поправляю рюкзак. Джинсы давят на поясницу, белая футболка помялась, тонкий серый кардиган после самолёта хочется наградить за службу и отвагу.

Америка.

Ну вот, Натали. Ты здесь.

Четыре дня назад мне исполнилось двадцать семь. Возраст, в котором вполне можно переехать через океан и начать новую специальность. И новую жизнь. В новой стране. Опять. Всё как я люблю.

Дома были понятные задачи: сдать экзамены, собрать документы, пройти собеседования, получить место в резидентуре. Найти квартиру. Проверить квартиру. Ещё раз спросить про квартиру, чтобы не выяснить по приезде, что я арендовала фотографию квартиры.

Каждую задачу я решала и переходила к следующей.

Теперь самолёт приземлился, паспортный контроль пройден, а следующая задача почему-то называется «вся остальная жизнь».

Достаю телефон. В чате с Полей осталось сообщение, присланное до посадки:

«Ната, как доберёшься — напиши. И квартиру покажи».

Улыбаюсь и набираю по-русски:

«Я в Майами. Чемодан пока не определился. Если останется жить в аэропорту, будешь приезжать к нему отдельно».

Прикрепляю фотографию багажной ленты.

С Полей мы вместе с первого класса. Теперь она работает педиатром в Москве, а я опять уезжаю дальше. Сначала была Вена, теперь между нами ещё и океан.

Мы давно перестали быть просто школьными подругами. Поля — моя сестра, которой почему-то досталась другая фамилия.

Я смотрю на отправленное сообщение. Хочется, чтобы она сейчас стояла рядом и тоже возмущалась чемоданом. Вдвоём даже ждать потерявшийся багаж было бы легче.

От этой мысли становится неприятно пусто под рёбрами.

Я опускаю взгляд на часы. Даже после того, как из браслета убрали лишние звенья, папины Rado выглядят на моей руке слишком крупными. Провожу большим пальцем по краю корпуса.

Мне до сих пор хочется рассказывать обо всём ему первому.

Он слушал мои планы с такой серьёзностью, будто я уже всё сделала. Даже когда мне было семнадцать, а половина уверенности держалась на способности говорить без пауз.

Папа дал большую часть денег, которые помогли мне подготовиться к этому переезду. Остальное я откладывала сама: экзамены, документы, заявки, поездки. Теперь в телефоне, за соседней иконкой, лежит банковское приложение с запасом на первое время.

Сумму я знаю. Могу мысленно разложить её на аренду, продукты и непредвиденные расходы.

Папино «у тебя получится» посчитать невозможно. Оно почему-то закончилось раньше денег.

Я сглатываю и убираю руку с часов.

Рядом мужчина снимает с ленты сразу два чемодана. Ну конечно. Ему сразу два приехали.

Интересно, здесь «Макдональдс» вкуснее, чем в Австрии?

Я закрываю глаза.

Прекрасно. Профессиональное будущее, одиночество, исследование, ради которого ты столько работала… картошка фри.

Хотя вопрос законный. Нельзя бесконечно существовать на амбициях и аэропортовом кофе.

Розовый чемодан появляется снова.

Может, купить жёлтый хирургический костюм?

Я представляю себя в жёлтом.

Медицинский цыплёнок.

Нет.

Почему нет? Бодрый цвет.

Потому что сначала надо выяснить правила отделения, а уже потом приходить в образе кукурузы.

Я прикусываю губу, но смешок всё равно вырывается. Женщина справа смотрит на меня и чуть отодвигает тележку.

Всё нормально. Я просто не выспалась.

И вообще, я врач.

Наверное, именно это и не стоит говорить человеку, который только что заметил, как ты смеёшься сама с собой.

Из-под резиновых шторок наконец появляется мой чемодан.

— Ну здравствуй, — бормочу я по-русски.

Он едет ко мне с неприличным спокойствием.

Я снимаю его с ленты, выдвигаю ручку и оглядываюсь, проверяя, ничего ли не забыла.

Только после этого иду к выходу.

Влажное тепло сразу обхватывает шею и плечи. Я стягиваю кардиган и засовываю его под лямку рюкзака. На улице хочется сделать вдох поглубже, но воздух словно уже кто-то использовал.

Пока жду машину, открываю инструкцию по заселению.

Четвёртый этаж. Ключи в конверте в почтовом ящике с номером квартиры.

Надеюсь, ящик не заперт. Иначе новая самостоятельная жизнь начнётся слишком самостоятельно.

Смотрю на документы, проверяю телефон, который держу в руке.

Отлично. IQ 145.

Водитель убирает чемодан в багажник и уточняет адрес. Я отвечаю, сажусь на заднее сиденье и пристёгиваюсь.

— Первый раз в Майами?

— Да.

— В отпуск?

— В резидентуру. Общая хирургия.

Он смотрит на меня в зеркало.

— Тогда удачи. И добро пожаловать.

— Спасибо.

Он спрашивает про кондиционер и после моего ответа оставляет меня в покое. Мысленно добавляю ему звезду к оценке.

За окном сменяются вывески и светлые фасады. Между зданиями мелькают пальмы. Я достаю солнечные очки и невольно запоминаю повороты, перекрёстки, приметные места.

Потом пригодится, когда сяду за руль.

Я открываю на телефоне переписку с больницей, хотя нового письма там нет.

Завтра — встреча по оформлению и организационным вопросам. Начало клинической работы отдельно, по расписанию программы. Я прочитала это ещё в Вене. Потом в самолёте. И сейчас, на случай если за время поездки буквы решили поменяться местами.

Не поменялись. Удивительно.

Убираю телефон.

В Вене я работала в педиатрическом отделении. У меня были пациенты, дежурства, дни, после которых хотелось есть молча и не отвечать даже на вопрос «чай будешь?». Полную специализацию я ещё не закончила.

Мне нравилось работать с детьми. Но желание оперировать никуда не делось. Оно было давно; работа и папина смерть только сделали его настойчивее. Теперь я еду в об-

щую хирургию.

Прежний опыт поедет со мной в больницу, а право всё знать останется дома — там его тоже, впрочем, никто не выдавал.

Я готовилась к этому. Очень хотела.

Почему же сейчас так хочется попросить водителя развернуться?

Я ведь сама этого добивалась. Никто не прислал меня сюда против воли. Просто, пока собирала документы, можно было не думать о том, как завтра войду в незнакомое отделение и буду искать, к кому подойти.

Я смотрю на дорогу, пока желание не проходит.

Затем разжимаю пальцы. На коротких ногтях — белый лак, привычный мягкий квадрат. Перед отъездом я опять не стала смотреть палитру.

Хоть какое-то решение не потребовало экзаменов и переписки.

Завтра будут люди, кабинеты, правила. Сегодня мне нужно только попасть домой. С этим я справлюсь.

Дом оказывается ровно таким, как на фотографиях: шесть этажей, красный кирпич, большие окна. Утопленная в фасад стеклянная дверь прячется под узким козырьком; по обе стороны от входа стоят высокие кашпо с зеленью.

На фотографиях, правда, не было меня с чемоданом и позвоночником, который за время перелёта кто-то разобрал и

собрал без инструкции.

Я благодарю водителя, забираю вещи и останавливаюсь у входа.

Через один дом виднеется больница.

Я узнаю её сразу.

Странное чувство — видеть вживую здание, которое столько раз рассматривала на экране.

Несколько секунд просто смотрю на него, потом перехватываю ручку чемодана.

Не сегодня.

Сегодня я официально не способна ни к чему сложнее душа.

В небольшом вестибюле у входа нахожу почтовые ящики. Нужный открывается без всяких усилий. Внутри лежит маленький конверт с моим именем.

Natalli Black.

Моя фамилия, мои ключи.

Я родилась Натальей Дмитриевной Черновой. Имя и отчество в российских документах такими и остались; фамилию я сменила уже после переезда в Вену.

Чернова. Чёрный. Black.

Никакой загадочной родословной. Просто я не хотела, чтобы люди решали, что обо мне думают, раньше, чем я открою рот. Наслышана о том, как относятся к иммигрантам, и не хотела начинать каждое знакомство с чужих предубеждений. О России рассказывала, когда разговор заходил о Рос-

сии. О себе — когда хотела.

Я достаю ключи и на мгновение задерживаю их в ладони.

Значит, теперь у меня есть ключи от квартиры в Майами.

Неплохо для человека, который сегодня несколько раз проверял наличие телефона с помощью самого телефона.

Лифт поднимает меня на четвёртый этаж. Перед дверью дважды сверяю номер и только потом поворачиваю ключ.

— Привет, дом, — говорю по-русски.

Сначала вкатываю чемодан. Потом снимаю рюкзак, ставлю его на пол и запираю дверь.

Тишина.

Не гостиничная, когда за стеной обязательно кто-то двигает мебель или смотрит телевизор. Просто тишина незнакомой квартиры.

Я снимаю кроссовки и оставляю их у входа. Белый педикюр после дороги выглядит безупречно. Хоть кто-то здесь сохраняет лицо.

Из небольшой прихожей пространство открывается в кухню-гостиную. Под ногами — тёмный пол с рисунком дерева, стены тёплого молочного оттенка. Здесь нет ничего кричащего, и после аэропорта глаза благодарны даже за это.

На кухне — молочные матовые фасады, серая столешница под мрамор и встроенная техника. Над островом висят два небольших светильника, рядом стоят два высоких стула с деревянными ножками и мягкими сиденьями. Чуть дальше, ближе к гостиной, — большой обеденный стол.

Провожу ладонью по его краю.

Ноутбук, статьи, тетради и чашка кофе поместятся без необходимости сражаться за территорию.

Очень романтичные планы на обеденный стол, Натали.

На диване несколько подушек, одна горчичная. Без неё комната выглядела бы слишком аккуратной — как место, где нельзя есть печенье. А мне такой расклад не подходит.

Окна от пола до потолка. Внизу машины трогаются со светофора, кто-то идёт по тротуару с бумажным пакетом. Балкона нет.

Жаль. С другой стороны, у меня теперь есть океан. Нужно будет только найти своё место у воды.

В ванной есть и ванна, и душ за стеклянной перегородкой. Стиральная и сушильная машины стоят в нише. Я заглядываю в душевую и одобрительно киваю.

— С тобой мы точно подружимся, — говорю по-русски.

В спальне большая кровать, синее покрывало и плотные шторы. Рядом дверь в гардеробную.

Открываю её и на несколько секунд забываю об усталости.

Полки. Ящики. Штанги.

Здесь определённо можно наладить жизнь.

Я боялась, что фотографии окажутся убедительнее самой квартиры: обнаружится запах сырости, продавленный диван или вода, способная только обжечь либо добить холодом.

Пока всё хорошо. Даже чище, чем я рассчитывала.

Ставлю чемодан в спальне и возвращаюсь в гостиную.

Здесь уже есть мебель, посуда, чужие лампы.

Меня пока нет почти нигде.

Это поправимо.

Достаю телефон и снимаю для Поли короткое видео. По-русски комментирую на ходу:

— Кухня. Гостиная. Здесь я планирую лежать с очень занятым видом. Ванная — смотри, есть и ванна, и душ. А теперь главное.

Захожу в гардеробную и разворачиваю камеру.

— Поля, у моих вещей условия проживания лучше, чем у многих людей.

Отправляю видео, следом сообщение:

«Мне нравится. Очень. Не хватает только тебя».

Потом фотографирую второй стул у острова и добавляю:

«Место забронировано. Багажную ленту в экскурсию включу бесплатно».

Откладываю телефон. В Москве на семь часов больше; ответит, когда сможет. Не хочу, чтобы она сидела с телефоном из-за моего переезда, хотя сама с удовольствием посидела бы сейчас рядом с ней.

Первым делом ставлю телефон заряжаться и заказываю продукты.

Яйца, молоко, овощи, фрукты. Мясо, паста, сыр. Хлеб, сливочное масло, авокадо.

Кофе.

Кофе проверяю отдельно.

Потом шоколад, печенье и мороженое. Приложение предлагает к мороженому вафли.

Умеют же люди работать.

Вафли тоже отправляются в корзину.

Готовить сегодня всё равно не собираюсь. Заказываю удон с креветками и, пока собирают доставку, открываю чемодан.

Рубашки выглядят так, будто летели без самолёта.

Развешиваю белую и голубую, рядом — бежевый жакет. Раскладываю джинсы, спортивную одежду, футболки. Одну, с изображением мозга, оставляю поближе.

Знакомое лицо в незнакомом городе.

Платья занимают свою часть гардеробной. Обувь встаёт внизу, украшения уходят в ящик. В ванной появляются мои баночки.

Вот здесь зарядка. Здесь книги. Сразу раскладываю всё по местам: мне так спокойнее. Утром хотя бы не придётся искать собственные вещи, прежде чем отправиться искать своё отделение.

Приезжают продукты. Я заношу пакеты, заполняю холодильник, разбираюсь с кофемашиной. Утром мне понадобится кофе с молоком и корицей, а не проверка технических способностей натощак.

Отламываю кусочек шоколада.

Контроль качества.

Потом приезжает ужин, и все дальнейшие дела отклады-

ваются.

Я устраиваюсь за островом, беру палочки и пробую креветку. На несколько секунд в голове становится тихо.

Какая же я голодная.

Съедаю ещё две, прежде чем берусь за лапшу. Покачиваю босой ногой и смотрю на второй стул.

Пустой.

Я тянусь за банкой колы, открываю её и делаю глоток.

К тишине тоже нужно привыкнуть. Но необязательно на голодный желудок.

После лапши достаю шоколад. Без сладкого ужин у меня не заканчивается: тарелка пустая, а внутреннее собрание ещё не закрыто.

Отламываю две дольки. Теперь все свободны.

Когда с ужином покончено, открываю ноутбук. Хочу только проверить, всё ли на месте, и сразу замечаю папку с исследованием.

Курсор замирает над ней.

До этой минуты я довольно успешно занималась чем угодно, кроме причины, по которой мне так важно оказаться здесь.

Можно, конечно, сказать: карьера. Наука. Возможности.

Всё правда.

Я закрываю ноутбук, не открыв папку.

Сегодня не смогу читать спокойно. Начну искать в статьях ответ на вопрос, которого там нет.

Перед душем снимаю Oura с левого указательного пальца, затем расстёгиваю браслет часов. Осторожно кладу их на сухую полочку.

Двадцатого сентября папе исполнилось бы шестьдесят лет.

Я не раз предлагала купить ему новые часы. Он отказывался: лучшее — враг хорошего. Я спорила. Он оставался при своём.

Теперь мне нравится, что он не согласился.

Через месяц после папиной смерти мы собрались на заупокойную мессу. В тот день мне исполнилось двадцать пять.

Я пыталась слушать священника, но не могла перестать плакать. Мама держала меня за руку. Я смотрела на её пальцы и думала, что папа больше никогда не назовёт меня Натой.

И белых роз в то утро не было.

До этого папа дарил их каждый год.

Я опираюсь ладонями о раковину и смотрю в зеркало.

Он умер по дороге. Я ехала рядом.

Помню его руку в своей. Врача, который попросил меня отодвинуться, когда началась реанимация. Молодую девушку-фельдшера рядом с ним. Всё, что они делали, было правильным. Я смотрела и понимала: лучше я бы не смогла.

Потом врач назвал время.

12:13.

Вышла из скорой и оказалась на асфальте. Мама ехала следом на машине. Помню её руки на своих плечах, потом крик: «Дима, нет».

Дальше всё смешалось. Документы. Чужие голоса. Друзья семьи, которые отвезли меня домой. Я села на пол у папиного кресла и не могла перестать плакать.

Я была рядом. Помогала ему. Держала за руку.

И всё равно не спасла.

Врач во мне знает, что это не доказательство вины. Дочь каждый раз спрашивает: какой смысл во всём, чему я научилась, если самый дорогой человек умер у меня на руках?

Я помню, как на прощании подошла к гробу и взяла папу за руку. Большой палец сам лёг на запястье, туда, где я привыкла находить пульс. Под холодной кожей ничего не отозвалось.

На линии пульса — тишина.

А если бы было больше времени?

Теперь я хочу выяснить другое: можно ли дать человеку с тяжёлой ТЭЛА больше времени. Чтобы он доехал. Чтобы врачи получили возможность помочь.

В первые дни после папиной смерти я начала искать ответ. Сначала в его истории болезни и статьях, потом — в лаборатории при больнице в Вене. Больше двух лет пытаюсь превратить «а если бы» в вопрос, на который можно ответить исследованием.

Меня интересует препарат, который временно поддержит работу сердца до необходимого вмешательства. Не устранит тромб. Даст время скорой, время на дорогу и подготовку помощи. Если удастся выиграть хотя бы эти минуты, у кого-то появится возможность, которой папа не дождался.

Пока у меня нет готового метода. Есть вопросы, записи и работа, к которой я собираюсь возвращаться, даже когда устану от собственных надежд.

Я выпрямляюсь и убираю полотенце.

— Справимся, пап, — тихо говорю по-русски.

Вода в душе оказывается именно такой, как нужно. Я стою под ней дольше обычного, мою волосы и позволяю плечам наконец опуститься.

После душа надеваю свободную футболку и хлопковые шорты. Высушиваю волосы, убираю упаковку от ужина, проверяю замок входной двери.

На завтра готовлю голубую рубашку, светлые брюки и удобные лоферы. Рядом ставлю сумку с документами.

Потом всё-таки возвращаюсь к ноутбуку.

В папке исследования лежат статьи, мои записи и материалы лабораторной работы в Вене. Отдельно — вопросы, с которыми предстоит продолжить здесь. Я открываю заметки, пробегаю глазами несколько строк. Здесь можно спорить с формулировками, перепроверять ссылки, искать ошибку. Этим я умею заниматься.

Ноутбук показывает время. Пора спать.

Я закрываю файл, ставлю будильник и ложусь.

Кровать удобная. Настолько, что я испытываю к незнакомым владельцам квартиры глубокую человеческую благодарность.

Сегодня я добралась. Разобрала чемодан. Поела. Не потеряла документы.

Для первого дня достаточно.

За окном проезжает машина. В коридоре слышны шаги, потом закрывается соседняя дверь.

Я поворачиваюсь на бок.

Жёлтый костюм пока покупать не буду. Сначала выясню, насколько там серьёзные люди.

Уже закрыв глаза, вспоминаю.

Чёрт, надо написать маме.

Тянусь за телефоном. Открываю наш чат и набираю по-русски:

«Я добралась. Всё хорошо. Квартира понравилась. Буду спать. Отпишу завтра».

Отправляю в режиме «без звука» и кладу телефон экраном вниз. На вопросы отвечу завтра.

Сейчас — спать.

Глава 2

Майами, 11.06.2026

Натали

Будильник успевает издать первый звук, прежде чем я его выключаю.

Несколько секунд лежу с закрытыми глазами, пытаясь понять, почему кровать другая и откуда за шторами столько света.

Потом вспоминаю.

Майами. Квартира. Больница.

Первый день.

Я поворачиваю голову к телефону.

Одиннадцатое июня. Семь утра.

Времени достаточно. Можно спокойно встать, потренироваться, позавтракать и собраться.

Если, конечно, не лежать и не перечислять всё, что можно сделать, пока лежишь.

Открываю приложение Oura. Кольцо уже синхронизировалось с телефоном: смотрю продолжительность сна, ночной пульс, восстановление. После перелёта и вчерашнего дня было бы самонадеянно ждать выдающихся результатов.

Так и есть.

Организм предлагает сегодня не геройствовать.

Редкий случай, когда у нас совпали планы.

Сажусь на кровати и опускаю ноги на пол.

— Доброе утро, — говорю по-русски.

Квартира мне не отвечает. Это хороший знак.

Отодвигаю шторы. Между домами уже яркое небо, стекло чуть прохладное от работающего кондиционера.

Новый день вполне состоялся без моего участия.

Придётся присоединяться.

Тренажёрный зал находится в подвале.

Уже не лучшее начало знакомства.

Я спускаюсь в чёрных велосипедках с высокой посадкой и спортивном топе приглушённого голубого цвета. Волосы собраны в хвост, на ногах — кроссовки, в руках — бутылка воды и телефон.

Открываю дверь, нахожу выключатель. Под потолком загораются лампы.

Зал небольшой, но чистый. Гантели стоят ровными рядами вдоль зеркальной стены, коврики сложены на полке. Есть скамья, несколько тренажёров, беговая дорожка. На тёмном резиновом покрытии не видно ни пыли, ни чужих следов.

И маленькие окна.

Под самым потолком.

Через одно видно кусочек улицы и чьи-то проходящие ми-

мо кроссовки.

Прекрасно. Люди уже живут жизнь, а я добровольно пришла в коробку с гантелями.

Я ставлю бутылку на скамью и оглядываюсь.

Нет, всё вполне прилично. Ничем неприятным не пахнет, оборудование выглядит исправным, вентиляция негромко гудит. Просто мне не нравится, когда над головой столько здания, а дневной свет существует в виде узкой полоски где-то наверху.

Придётся поискать другой зал.

И кофейню рядом с домом. С хорошим кофе и завтраками, чтобы не каждое утро что-нибудь резать и жарить.

Ещё магазины в пешей доступности.

И решить с машиной.

Без машины непривычно. Можно пока арендовать, потом уже выбрать…

Так.

Я упираю руки в бока и выдыхаю.

Может, для начала просто разогреемся?

Нельзя объять необъятное. Сегодня я найду больницу. Потом зал. Кофейня, вероятно, вообще найдёт меня сама: достаточно выйти на запах выпечки.

Всё постепенно.

А то действительно получается, как говорит мама: мне нужно всё и сразу, и никак иначе.

Вообще, забавно слышать это от человека, у которого на

любое моё достижение почти всегда находился следующий пункт программы.

Хорошо — это хорошо. Но можно лучше.

Кто-то уже успел больше. Кто-то раньше определился. Кто-то сумел совместить.

Мама — профессор, преподаёт русский язык и литературу в университете. Умеет так выдержать паузу перед замечанием, что иногда хочется исправиться ещё до того, как узнаешь, в чём именно проблема.

Я уважаю её. Благодарна за многое.

Но порой после наших разговоров хочется не позвонить ей снова, а сначала получить ещё одну специальность. Для уверенности.

Телефон пока лежит экраном вниз.

Напишу после завтрака. В Москве к тому времени будет день — можно не гадать, разбужу ли её сообщением. Скажу, что всё хорошо, сегодня знакомство с руководителем. На часть вопросов можно ответить заранее и выиграть несколько минут спокойствия.

Включаю музыку и становлюсь на дорожку.

Сегодня — тренировка и больница.

Устройство всей оставшейся жизни подождёт.

После разминки становится легче.

Тело охотнее головы принимает простые задачи: поставить ноги, удержать спину, сделать ещё повторение. Здесь

не нужно угадывать, достаточно ли ты стараешься. Вес либо поднимается, либо нет.

Сегодня я не увеличиваю нагрузку. Привычные упражнения, спокойный темп, без попытки доказать что-нибудь себе и приложению.

Заканчиваю подход, возвращаю гантели на место и смотрю в зеркало.

Волосы выбились из хвоста. Щёки порозовели.

На человека уже похоже.

В зале по-прежнему никого, и это немного примиряет меня с подвалом.

Для растяжки я раскладываю коврик подальше от двери. Постепенно вытягиваю мышцы, опускаюсь ниже, задерживаюсь в положении и спокойно дышу.

Потом сажусь на шпагат.

Вот теперь совсем хорошо.

Наклоняюсь вперёд, опираюсь на предплечья. Музыка негромко играет в наушниках, за верхним окошком мелькает ещё одна пара ног.

Интересно, со стороны видно, что здесь кто-то есть?

Хотя вряд ли прохожие начинают утро с внимательного изучения подвальных окон.

Я меняю положение и тянусь дальше.

Теперь наверх. Завтракать.

После душа я открываю холодильник и некоторое время

смотрю на продукты с удовлетворением человека, который вчера всё-таки принял несколько хороших решений.

Авокадо.

Яйца.

Рыба.

Хлеб.

Один из моих любимых завтраков.

Пока подрумянивается тост, ставлю кофе и достаю тарелку. Разминаю авокадо, добавляю немного соли, готовлю яйцо. На хлеб — авокадо, рыбу и яйцо с ещё мягким желтком.

Несколько минут, и получается так красиво, что я решаю сначала сфотографировать еду, а уже потом её уничтожить.

Кофе — с молоком и корицей.

Ставлю чашку рядом с тарелкой и делаю снимок для Поли.

Сажусь за остров и откусываю тост.

М-м.

Вот ради такого завтрака я готова несколько минут постоять у плиты.

Но посуду всё равно будет мыть машина. У каждого в этом доме свои обязанности.

На телефоне открываю переписку с мамой.

У меня половина девятого, у неё — половина четвёртого дня. Между нами — семь часов, и к этой разнице тоже придётся привыкнуть.

Пишу, что всё хорошо. Сейчас завтракаю, потом пойду

знакомиться с руководителем.

Несколько секунд смотрю на сообщение, убираю из него «не переживай» и отправляю.

На это обычно следует вопрос, почему она должна переживать, если я ничего от неё не скрываю.

Не будем создавать работу на ровном месте.

Ответ приходит, когда я допиваю кофе.

«Хорошо. После встречи напиши, как всё прошло».

Завтрак заканчивается слишком быстро.

Я смотрю на пустую тарелку и встаю за шоколадом.

Отламываю несколько долек и возвращаюсь на стул.

Теперь порядок.

Тарелку, чашку и приборы убираю в посудомойку. Следом отправляю туда сковороду и лопатку.

Мыть посуду руками я не люблю настолько, что наличие посудомойки проверяла ещё при выборе квартиры.

Большие окна — прекрасно. Гардеробная — замечательно.

Но давайте всё-таки правильно расставлять приоритеты.

Телефон вибрирует.

Поля:«Ната, квартиру посмотрела. Я бы тоже туда переехала. В гардеробную. Ты не заметишь».

Я:«Замечу. Будешь перекладывать мои вещи».

Поля:«Я скромно. На одну полочку».

Я:«У тебя „одна полочка“ ещё со школы занимает половину моего чемодана».

Улыбаюсь и отправляю сделанную перед завтраком фотографию.

Поля:«Судя по фото, акклиматизация проходит успешно».

Я:«Фото уже устарело. От завтрака ничего не осталось».

Поля:«Сегодня идёшь?»

Я:«Да. И уже успела мысленно забыть документы, опоздать и зайти не в ту больницу».

Поля:«Ната, ты же ещё дома».

Я:«Зато сколько успела».

Появляются три точки.

Поля:«Документы собраны?»

Я:«Да».

Поля:«Дорогу знаешь?»

Я:«Из окна видно».

Поля:«Тогда основная опасность — по пути начать новую жизнь в кофейне».

Я смеюсь и отодвигаю телефон, чтобы не задеть его локтем.

Я:«Это не опасность. Запасной план».

Поля:«Иди уже, хирург. Напишешь после встречи».

Ставлю сердечко на её сообщение.

С чужими людьми Поля может смутиться даже от комплимента. Со мной её скромность ведёт себя избирательно. Очень удобно: все считают её милой, а доказательства храню я.

С одеждой я определилась ещё вчера, поэтому утреннего совещания перед гардеробом удаётся избежать.

Прямые светлые брюки, светло-голубая рубашка из тонкого хлопка и мягкие кожаные лоферы. Заправляю рубашку, поправляю узкий ремень. Бежевый жакет пока перекидываю через руку.

Сегодня я не знаю, сколько придётся ходить и где именно, так что двенадцать сантиметров уверенности в себе остаются на полке.

Волосы собираю в высокий хвост. Лёгкий макияж, маленькие серьги из белого золота. Часы Rado — на левое запястье, Oura Ring — на левый указательный палец.

Документы проверяю по списку: каждый пункт, без спешки.

Беру ключи и выхожу. Волнение идёт со мной, но возвращаться за второй проверкой мы не будем.

На улице тепло и влажно. Пока дохожу до тротуара, окончательно убеждаюсь, что жакет прекрасно справляется со своей задачей у меня на руке.

Одиннадцатое июня. Лето здесь явно не нуждается во времени на подготовку.

Я невольно замедляюсь. Вчера всё было немного размытым: дорога, чемодан, усталость. Сегодня замечаю кофейню на противоположной стороне, вывеску небольшого магазина, мужчину с собакой, которая совершенно не разделяет его

желания куда-то спешить.

Кофейню мысленно отмечаю. За стеклом — маленькие круглые столы, светлое дерево, у окна сидит женщина с чашкой и раскрытой книгой.

Вот. Уже один вопрос почти решён.

Больница оказывается так близко, что я не успеваю как следует настроиться на торжественный момент начала новой жизни.

У входа проверяю время.

До встречи несколько минут.

Подхожу к дверям, пропускаю выходящую женщину и захожу внутрь.

После улицы прохладный воздух приятно касается лица.

Жакет всё-таки пригодится.

В вестибюле высокие потолки и светлый каменный пол. За стеклянной стеной сбоку устроена зона ожидания: кресла, низкие столики, большой экран с информацией. Прямо — стойка, дальше виднеются лифты и указатели отделений.

Всё выглядит новым и дорогим: от кресел с безупречной обивкой до тонких информационных панелей. Здесь явно не экономят ни на технологиях, ни на комфорте. Очень надеюсь, что за дверями отделений этот подход распространяется и на оборудование. Красивый пол пациенту диагноз не поставит.

Я называю своё имя и объясняю, что у меня назначена

встреча с доктором Кристианом Хардом.

Пока сотрудница уточняет, куда меня направить, надеваю жакет и оглядываюсь.

Кто-то торопится к лифтам с бумажным стаканом. Мужчина в кресле у стены дремлет, прижав к себе рюкзак. Рядом с ним женщина листает телефон. Из коридора выходит медсестра и, не останавливаясь, отвечает кому-то на ходу.

От этого обыкновенного больничного движения становится спокойнее.

Новое здание. Другие люди.

Но я хотя бы понимаю, зачем все мы здесь.

— Доктор Блэк?

Я оборачиваюсь.

К нам подходит коренастый мужчина лет сорока. Короткие каштановые волосы тронуты сединой на висках, под густыми бровями — зелёные глаза. На нём тёмно-синяя медицинская форма, на кармане закреплён бейдж. В руке — телефон, который он убирает, прежде чем протянуть мне ладонь.

— Кристиан Хард.

— Натали. Очень приятно.

Рукопожатие короткое, уверенное.

За его спиной электронные часы меняют минуту. Ровно назначенное время.

Он смотрит на меня внимательнее.

— Вы приехали вчера?

— Да.

— И уже готовы начинать?

— Я позавтракала. Теперь со мной можно обсуждать серьёзные вещи.

Уголок его рта чуть поднимается.

— Отлично. Тогда начнём с отделения. Если по дороге возникнут вопросы — задавайте.

— Хорошо.

Он забирает у сотрудницы подготовленные для меня бумаги, благодарит её и жестом предлагает идти за ним.

— Ваши документы я посмотрел, — говорит он, пока мы направляемся к лифтам. — Но хочу услышать от вас самой: что вы рассчитываете получить от подготовки здесь?

Вопрос хороший.

И, к счастью, не требует рассказать о себе что-нибудь интересное.

— Системный хирургический опыт. Мне важно понимать весь путь пациента: до операции, во время неё и после.

Он кивает.

— Это разумный подход.

— И я хотела бы продолжать исследование. Понимаю, что придётся согласовывать нагрузку.

— Придётся, — спокойно подтверждает он. — Сначала посмотрим, как вы войдёте в работу. Сегодня познакомимся с отделением, разберём несколько случаев и определим, с чего вам начать.

Меня вполне устраивает такой ответ. Никаких обещаний, сделанных из вежливости.

В лифте Кристиан спрашивает о моей учёбе в Австрии, клинических ротациях и о том, почему после работы в педиатрическом отделении я выбрала общую хирургию. Я отвечаю, стараясь не превратить несколько этажей в защиту собственной биографии.

Он слушает, не перебивая.

Потом задаёт уточняющий вопрос.

И ещё один — уже когда мы выходим в коридор.

На третьем я перестаю подбирать формулировки и просто объясняю, как думаю.

Я готовилась отвечать правильно. Оказывается, ему нужно услышать мой ответ, даже если потом придётся его поправить.

Так гораздо легче.

Сначала он показывает отделение.

Где находятся палаты, куда обращаться по рабочим вопросам, где смотреть расписание. Мы знакомимся с несколькими сотрудниками. Я повторяю имена про себя и очень надеюсь, что лица задержатся в памяти хотя бы до обеда.

В ординаторской вдоль одной стены стоят рабочие столы с компьютерами, у другой — диван и несколько стульев. На одном лежит забытая кофта. Рядом с клавиатурой чья-то кружка и раскрытый блокнот. Из окна видны верхушки

пальм и соседнее крыло больницы.

Нормальная, живая комната.

Мне нравится.

Кристиан показывает, где я могу оставить вещи, и объясняет порядок работы с документами. Пока оформляют необходимые доступы, мы будем вместе разбирать обезличенные учебные материалы.

Я слушаю, запоминая порядок.

— Записывать не будете? — спрашивает Кристиан.

— Пока не нужно. Я запомнила.

Он просит повторить, куда обращаться по поводу доступа к материалам. Я отвечаю, затем перечисляю остальные объяснения в том же порядке.

— Хорошая память.

— На информацию — да. С именами и лицами всё значительно хуже. Если завтра уверенно поздороваюсь с вами второй раз, не удивляйтесь.

— Постараюсь представиться так же уверенно.

Дальше — комнаты для обсуждения случаев, служебные помещения, маршрут к операционному блоку.

Кристиан показывает главное: какие коридоры соединяют отделения, откуда удобнее пройти к лифтам, где начинается зона с ограниченным доступом.

Я запоминаю повороты, лестницы и переходы. План здания постепенно складывается в голове.

— Обратно дорогу найдёте? — спрашивает он.

— До ординаторской — прямо, потом налево. К лифтам — в другую сторону, мимо поста.

— Верно.

С дорогами у меня всегда просто: достаточно один раз пройти, и маршрут остаётся в памяти. Очень удобная особенность. Особенно когда всё остальное вокруг пока требует инструкций.

В кафетерии он останавливается у стойки.

— Кофе?

— Да, пожалуйста.

— Чёрный?

— С молоком и корицей.

Пока нам готовят напитки, я спрашиваю:

— Я правильно поняла из вашего профиля, что вы много работали с сочетанными травмами?

— Да. Не каждый пациент читает учебник и повреждает строго одну систему.

— Невежливо с их стороны.

— Мы стараемся не принимать близко к сердцу.

Он берёт свой кофе и отходит от стойки, освобождая место следующим.

Мы садимся за небольшой стол у окна. В кафетерии светло, пахнет поджаренным хлебом. За соседним столиком двое сотрудников обсуждают расписание, кто-то на ходу допивает кофе у выхода.

Я делаю глоток.

Неплохо.

Это важная информация. Некоторые профессиональные перспективы нужно оценивать сразу.

— Расскажите об исследовании, — предлагает Кристиан.

Я поднимаю глаза.

— Насколько подробно?

— Начните коротко.

— Опасное предложение.

— Я рискну.

Я улыбаюсь и рассказываю.

Начинаю с тяжёлой ТЭЛА и времени, которого может не хватить до необходимого вмешательства. С того, что меня интересует возможность временно поддержать работу сердца в этот промежуток. Потом объясняю, какие работы собирала, чем занималась в лаборатории при больнице в Вене и где пока не вижу убедительного ответа.

— Давно занимаетесь темой?

— Больше двух лет. Начала после смерти отца. Он умер во время транспортировки. Я ехала с ним.

Кристиан чуть меняется в лице, но не просит подробностей.

— Сочувствую, Натали.

Киваю и возвращаюсь к исследованию.

Хорошо, что он не спрашивает, как это произошло. Я умею объяснить свою научную задачу. Рассказать незнако-

мому человеку о том дне, а потом спокойно допить кофе — пока нет.

— Что у вас уже есть? — уточняет он.

— Обзор литературы, материалы лабораторной работы и направление, которое хочу проверить дальше. Готового метода нет. Я не могу сказать, что уже умею выигрывать время для пациента.

— Препарат? Устройство?

— Инъекционный препарат. В перспективе — для бригады скорой. Если сейчас скажу «готовый», вы начнёте спрашивать о механизме. А мне хотелось бы сначала разобраться в нём самой.

Кристиан улыбается.

— Справедливо. Тогда что именно не устраивает в существующих подходах?

— Они помогают. Вопрос в том, успевает ли пациент до них доехать. Я хочу исследовать возможность временно сохранить насосную функцию сердца при тяжёлой ТЭЛА. Выиграть до тридцати минут, пока готовят необходимое вмешательство. Не заменить его.

— Тридцать минут — ваш результат?

— Пока цель. Не обещание.

Он кивает.

— Хорошо. А теперь расскажите об ограничениях.

На этот вопрос у меня ответ длиннее. Я ставлю стакан, чтобы не размахивать им, и объясняю, какие ограничения

хочу изучить.

Кардиологические статьи я давно читаю не только ради своей темы. Иногда ухожу по ссылкам так далеко, что приходится напоминать себе, какой вопрос вообще открыла. Но интерес к сердцу ещё не делает меня кардиологом, и перед Кристианом изображать его не собираюсь. На середине замечаю, что перескочила через важное уточнение, и возвращаюсь назад.

— Нет, так слишком широко. Я сейчас смешала несколько разных задач. Давайте разделю.

Кристиан тоже подаётся вперёд.

Разговор становится предметнее. Он задаёт вопрос, я возражаю, ловлю собственную слишком широкую формулировку и поправляюсь.

Мысленно разделяю объяснение на несколько частей, чтобы не перескакивать между ними.

— Вот здесь, — говорю я, возвращаясь к первому предположению. — Если исходить только из этого, всё выглядит убедительно. Но тогда мы пропускаем другой вопрос…

Он внимательно слушает и некоторое время молчит.

— У нас тоже есть лаборатория при больнице, — говорит он наконец. — Продолжение работы обсудим с научными коллегами. И отдельно согласуем нагрузку: резидентура не станет короче из-за вашего исследования.

Возможно, коротко рассказать о работе не получилось.

— Простите, — говорю я. — Я увлеклась.

— Я заметил.

Он смотрит на меня.

— Сколько вам лет, Натали?

— Двадцать семь.

— Я видел дату рождения. Просто решил убедиться.

Я не знаю, что на это ответить, поэтому беру кофе.

— Вы хорошо подготовились, — продолжает он. — И вы хорошо видите слабые места собственной гипотезы. Это встречается реже, чем уверенность в ней.

— Мне до результата ещё далеко.

— Я не сказал, что близко.

Я поднимаю взгляд.

В его голосе нет ни насмешки, ни желания поставить меня на место.

— Но это не отменяет того, что вы уже сделали, — добавляет он.

Щёки всё-таки теплеют.

— Спасибо.

Кристиан кивает, словно на этом вопрос можно считать закрытым, и смотрит на часы.

— Пойдёмте. Посмотрим, как вы рассуждаете не только о собственном исследовании.

В отделении Кристиан открывает на компьютере подготовленный для обучения обезличенный клинический случай.

Я придвигаю стул, читаю записи. Пациентке сорок шесть. Боль справа, больше в боку, с отдачей в поясницу. Тошнота, небольшое повышение температуры. Привычного рассказа о том, как сначала болело около пупка, а потом справа внизу, нет.

Смотрю первичный осмотр, анализы, заключение УЗИ. Возвращаюсь к времени поступления.

Кристиан садится рядом.

— Что думаете?

— Понимаю, почему сначала заподозрили проблему с мочевыводящими путями. Но не стала бы на этом останавливаться.

— Почему?

— Анализ мочи не даёт убедительного объяснения всей картине. Есть признаки воспаления в крови. И боль остаётся.

Он указывает на заключение исследования.

— Аппендикс не визуализируется.

— Это не значит, что он здоров. Значит, его не удалось увидеть.

Кристиан коротко кивает.

— Аппендицит включаете в список?

— Да. Даже без привычной локализации боли. Но здесь нужно проверить и другие причины, в том числе гинекологические. В документах есть отрицательный тест на беременность, остального по одной этой строке не исключить.

— Что хотите посмотреть дальше?

Нахожу запись повторного осмотра, потом замечаю назначенную КТ.

— Сначала сопоставить, как менялось состояние, с тем, что было при поступлении. Потом исследование, которое помогло уточнить причину.

— А эта запись?

Показывает на слова о том, что боль усилилась.

Я сверяю время.

— Внесена позже, но описывает состояние до обезболивания. Я бы не считала её новым ухудшением. В повторном осмотре нужно отдельно посмотреть, что действительно изменилось.

Он открывает соседний документ.

— Здесь?

— Боль стала слабее, но сохраняется. Это важно. Само по себе облегчение после обезболивания не объясняет, от чего она возникла.

Мысленно повторяю главное, связывая его объяснение со снимком. Очень легко прочитать знакомую формулировку, решить, что всё поняла, и пропустить другую. Особенно если уже выбрала объяснение, которое нравится.

Кристиан открывает КТ и заключение.

Воспалённый аппендикс расположен позади слепой кишки. Вокруг изменена клетчатка.

Снова смотрю на жалобы.

— Поэтому боль в боку и пояснице могла сбить с толку, —

произношу я. — А отсутствие обычной картины при первом осмотре не позволяло просто вычеркнуть аппендицит.

— Верно. Что произошло бы, если бы вы прочитали «не визуализируется» как «патологии нет»?

— Получила бы очень удобный ответ. Для себя.

Он переводит взгляд с экрана на меня.

— Именно.

Мы переходим к тому, как в этом случае выбирали лечение. Кристиан показывает запись хирурга: после обследования решили оперировать лапароскопически. Объясняет, какие особенности расположения важно учитывать заранее.

Здесь я слушаю внимательнее. Диагностический ход мне знаком. А между «понять, что нужна операция» и «уметь её выполнить» помещается всё то, ради чего я приехала.

Он возвращается к снимку, обращает моё внимание на деталь, которую я пропустила. Я задаю вопрос и мысленно сопоставляю ответ с тем, что мы уже обсудили.

Кристиан не отвечает сразу.

Поднимаю голову.

— Что-то ещё упустила?

— Вы не стали подгонять остальные данные под первое объяснение. Это хорошо.

Похвала приятна настолько, что хочется немедленно спрятать улыбку. Получается плохо.

— Спасибо. Я уже приготовилась к списку того, что упустила.

— Список тоже будет. Вы сегодня первый день.

— Хорошо. А то я начала переживать, что мы слишком легко отделались.

Он улыбается и указывает на экран.

— Операционную часть разберём подробнее. Если чего-то не знаете, говорите сразу.

— С этим справлюсь. У меня уже есть несколько кандидатов.

Называю первые три вопроса. Кристиан слушает, чуть приподняв брови.

— Несколько?

— Я берегу ваше первое впечатление.

— Вы не просто запоминаете, — замечает Кристиан. — Вам хочется понять, как всё связано. И интерес у вас очень живой.

— Любопытство — мой основной порок.

— Для врача это неплохое начало. Если не мешает слушать ответы.

— С этим сложнее. Иногда следующий вопрос появляется раньше, чем закончился предыдущий.

— Я заметил.

— Как говорят, любопытство сгубило кошку. Очень надеюсь, что перед этим ей хотя бы всё объяснили.

Он смеётся, затем снова смотрит на меня.

— Вы когда-нибудь проходили тест на IQ?

Я на секунду теряю нить следующего вопроса.

— Неожиданный поворот.

— И всё-таки?

— Да. Сто сорок пять.

— Сто сорок пять? — переспрашивает он.

— Если с тех пор ничего не растеряла.

— Впечатляющий результат.

— А учиться всё равно приходится.

— Понятно.

— Что именно?

— Почему вы так быстро подхватываете новую связь. Хотя меня сейчас больше интересует, что вы не боитесь уточнять.

Я ненадолго отвожу взгляд. Комплименты моей голове принимать почему-то сложнее, чем комплименты лицу.

— Не всё, что я успела, было хорошо организовано.

— Я ещё не видел человека, у которого всё было хорошо организовано.

— А у вас сколько?

Он чуть приподнимает бровь.

— Сто десять.

Я киваю с самым серьёзным видом.

— Думаю, мы сработаемся.

Кристиан смотрит на меня ещё секунду, затем смеётся.

Я тоже не выдерживаю.

— Рад, что прошёл отбор, — говорит он.

— Пока предварительно. Я ещё не видела, какой вы со-

ставляете график.

— Вот там вас может ждать разочарование.

— Отлично. Значит, вопросы у меня ещё не скоро закончатся.

Кристиан поднимается со стула.

— Разберём вопросы по очереди. Я не жду, что вы уже умеете оперировать. Но рассчитываю, что вы будете говорить, когда нужна помощь.

— Я не люблю делать вид, что знаю.

— Тогда у нас уже есть хорошая основа для работы.

Он произносит это спокойно, без шутки.

Я смотрю на него и киваю.

За всё утро он ни разу не попытался поймать меня на незнании. Спрашивал, слушал, заставлял обосновывать ответ. А если я чего-то не учитывала — показывал.

С таким человеком хочется учиться.

Кристиан поворачивается к экрану и открывает следующее исследование.

— Тогда посмотрим ещё один случай.

Позже я остаюсь за компьютером в ординаторской с учебной подборкой материалов.

Кристиан заглядывает, чтобы забрать оставленные на столе бумаги.

Он уже собирается выйти, но замечает мой стакан.

— Это всё ещё утренний кофе?

Я смотрю на него.

— Мы не будем делать поспешных выводов.

— Будем. Сходите на обед, Натали.

Я открываю рот.

— Это тоже часть первого дня, — добавляет он.

Дверь за ним закрывается.

Смотрю на время и обнаруживаю, что действительно успела проголодаться. Половина первого.

Неприятно, когда человек прав настолько буднично.

В кафетерии беру обед и что-нибудь сладкое на потом. Потом наступит сразу после обеда, но формальности нужно соблюдать.

Пока ем, пишу Полине. У неё половина восьмого вечера.

Я:«Я жива. Документы тоже. Руководитель хороший».

Ответ приходит, когда я откладываю вилку.

Поля:«Что сделал?»

Я:«Ответил на вопросы. Не выгнал за новые. Отправил есть».

Поля:«Последнее особенно важно. Береги человека».

Я:«Я его график ещё не видела. Рано привязываться».

Поля:«Сколько вопросов задала?»

Мысленно перебираю наш разговор.

Я:«Нормальное количество».

Поля:«Ната».

Я:«Он сам сказал спрашивать».

Поля:«Бедный. Ещё не знает».

Я давлюсь смешком и отодвигаю стакан.

Я:«Знает. Выслушал первую порцию. Предложил продолжить завтра».

Поля:«Смелый мужчина».

Я:«Ты вообще на чьей стороне?»

Поля:«На твоей. Но все вопросы сразу я бы ему пока не выдавала. Как день в целом?»

Я перестаю улыбаться в экран и на секунду прислушиваюсь к себе.

Я:«Хорошо. Волновалась, но уже легче. Он объясняет так, что хочется спрашивать ещё. Мне здесь интересно».

Поля:«Я рада, Ната».

Я:«Соскучилась».

Поля:«Взаимно. Ешь, пока опять не увлеклась».

Я:«Поем. А ты-то как?»

Ответ приходит не сразу.

Поля:«Опять ругаемся с Серёжей. Взяла дополнительное дежурство. Так хоть дома меньше бываю».

Смотрю на сообщение. Аппетит становится заметно хуже.

Они вместе три года, из них год живут под одной крышей. Санта-Барбара успела бы закончиться. У Поли с Серёжей всё ещё выходят новые серии.

Серёжу я не люблю. Не говорю ей об этом при каждой ссоре: ей и без моего мнения сейчас хватает того, что нужно пережить. Но мне хочется, чтобы подруга возвращалась

домой потому, что там хорошо. А не брала ещё одну смену, лишь бы туда не идти.

Я:«Хочешь поговорить? Могу позвонить».

Поля:«Позже, ладно? Сейчас не хочу опять всё прокручивать».

Я:«Хорошо. Я рядом».

Поля:«Знаю. А теперь всё-таки поешь».

Я откладываю телефон и возвращаюсь к обеду. Оставить за собой последнее слово не получается даже на другом континенте.

После обеда возвращаюсь к учебным материалам. Вопросов меньше не становится, зато теперь я хотя бы понимаю, где искать ответы.

День не становится проще.

Зато становится понятнее.

Я мысленно связываю прочитанное с утренним разбором, перечитываю абзац и вдруг замечаю, что уже давно не думаю о том, правильно ли поступила, приехав сюда.

Пока рано делать большие выводы.

Но сегодня мне было интересно. По-настоящему.

Достаю телефон и пишу маме, как обещала: познакомилась с руководителем, посмотрела отделение, начала разбирать учебные материалы.

Потом нахожу в сумке шоколад, отламываю дольку и возвращаюсь к тексту.

Жёлтый хирургический костюм я в итоге не встретила ни

на ком.

Зато Кристиан выдержал мои вопросы, сомнения и предварительную оценку своего графика. И предложил продолжить завтра.

Так что перспективы есть.

Глава 3

Майами, 11.06.2026

Маттео

Антонио заканчивает доклад, когда я замечаю, что уже несколько секунд смотрю не на него, а на полоску солнечного света у края стола.

За стеклом вода. По краю портовой акватории медленно движется судно; дальше, за причалами, открывается горизонт.

В кабинете прохладно, но пиджак я снял ещё до начала совещания. Он висит на спинке кресла у окна. Чёрный жилет пока застёгнут, рукава рубашки закатаны до предплечий.

Ночь была длинной.

Утро, судя по всему, решило не отставать.

Я сижу во главе стола для совещаний. Антонио докладывает о партии Beretta из Италии: поставку подтвердили, сроки прежние, зато условия оплаты ночью почему-то стали другими.

Мой рабочий стол стоит чуть в стороне, ближе к окнам. На нём снова загорается телефон. Оставляю без внимания: если отвлекаться на каждое сообщение, к вечеру мы всё ещё

будем обсуждать эти пистолеты. А судя по тому, как Антонио разглаживает край документа, поставщику уже стоит побеспокоиться о собственном долголетии.

Кабинет достаточно большой, чтобы отделить одно от другого. Тёмное дерево, светлые стены, низкие шкафы с документами. У дальней стены — диван и два кресла. Между окнами стеклянная дверь ведёт на террасу.

Я не люблю, когда на столах лежит что-то лишнее.

Сегодня на столе папки, телефоны, ноутбук Микаэля и три чужие чашки. Сдвигаю ближайшую подальше от документов.

Справа Алехандро неспешно поворачивает между пальцами ручку. Он не сделал ни одной записи, но к концу совещания будет помнить каждую цифру.

— Поставка подтверждена, — повторяет Антонио.

Я перевожу на него взгляд.

— Я слышал. Что по срокам?

— Без изменений. Ожидаем в оговорённый день.

— Подтверждение от них есть?

— В папке. Я дважды всё проверил.

Антонио сидит рядом с Алехандро. Светло-серая рубашка расстёгнута у ворота, рукава аккуратно закатаны. Тёмные брюки без единой складки, дорогие часы на стальном браслете, начищенные туфли. Даже после бессонной ночи он выглядит так, будто успел заехать домой, принять душ и объяснить зеркалу, что усталость сегодня не предусмотрена.

Только короткую тёмную бороду трогает чаще обычного.

Плохой признак для тех, с кем ему ещё предстоит разговаривать.

Он отвечает за закупки и логистику. Оружие, сроки, обязательства — всё, что в чужом пересказе умещается в слово «поставка», а в его жизни превращается в десятки звонков. В сорок лет Антонио умеет ругаться настолько вежливо, что собеседник не сразу понимает, насколько серьёзны его проблемы.

Он кладёт передо мной папку.

Я открываю её, просматриваю документы и задерживаюсь на последней странице.

— Здесь другие условия.

— Они прислали изменения ночью.

— После того, как мы договорились.

— Именно.

Я закрываю папку.

— Передай, что действуют прежние. Если хотят обсудить новые — обсудим для следующей сделки.

— Я так им и сказал.

— Тогда зачем эта версия у меня на столе?

— Чтобы ты знал, почему у меня с утра плохое настроение.

Слева раздаётся смешок.

Лоренцо сидит, вытянув под столом ноги. Тёмная футболка обтягивает плечи, небольшой светлый шрам пересе-

кает бровь. Волосы коротко подстрижены; взгляд карих глаз слишком внимательный для человека, который последние десять минут старательно изображает полное отсутствие интереса к происходящему.

Я знаю этот вид ещё с армии.

Тогда он обычно означал, что Лоренцо уже придумал что-нибудь, из-за чего нам обоим придётся объясняться.

В двадцать восемь он отвечает за мою безопасность и людей, которым я доверяю её обеспечивать. Своих парней гоняет без жалости. Себя — ещё сильнее.

— Тебя это тоже касается, — говорю я.

— Моё настроение прекрасное. Я спал.

Антонио поворачивается к нему.

— Мы заметили. Особенно когда звонили тебе ночью.

— Телефон был на зарядке.

— В другом штате?

— Не преувеличивай. В соседней комнате.

— У тебя очень большие комнаты? — спрашивает Алехандро.

Лоренцо поворачивает к нему голову.

— Достаточно большие, чтобы в них иногда спать.

Алехандро едва заметно улыбается.

В его тёмных волосах седины уже больше, чем несколько лет назад. Он носит их зачёсанными назад, но одна прядь неизменно выбивается у виска. На нём тёмно-синий костюм, белая рубашка без галстука. Никакой суеты, никаких лиш-

них движений.

В пятьдесят семь ему достаточно посмотреть на человека, чтобы тот начал тщательнее выбирать слова.

Лоренцо, впрочем, это давно не касается.

Напротив Алехандро сидит Микаэль, старший брат Лоренцо. Ноутбук открыт, рядом остывает кофе. Он смотрит в экран поверх тонкой оправы очков и, судя по выражению лица, слышит каждое слово, хотя предпочёл бы, чтобы мы все общались потише.

Карие глаза, густые брови, оливковая кожа, одна и та же упрямая линия челюсти — в братьях сразу узнаётся семья. А потом они открывают рот, и сомнений не остаётся.

У Лоренцо всё коротко, прямо, без лишнего. Микаэль постоянно забывает подстричь волосы, а потом раздражённо убирает со лба тёмные пряди. Он выше и суше брата, с длинными пальцами, которые почти не замирают над клавиатурой. Лоренцо некоторое время наблюдает за братом.

— Ты вообще нас слушаешь?

— Антонио не спал, поставщик обнаглел, Маттео недоволен. Ты выспался и теперь мешаешь остальным.

Антонио кивает.

— Протокол можно не вести.

Микаэль возвращается к экрану. Лоренцо придвигает к его свободной руке бутылку воды и отворачивается прежде, чем брат успевает что-нибудь сказать.

Именно он когда-то познакомил нас. Сказал, что у него

есть брат, который может решить одну нашу проблему.

Потом выяснилось, что не одну.

Теперь всё, что касается компьютеров, камер, связи и устройств, назначение которых мне иногда приходится уточнять, проходит через Микаэля. В тридцать лет он способен часами не отходить от экрана, забыть про обед и при этом помнить, кто из нас полгода назад трогал его компьютер без разрешения.

Лоренцо до сих пор отрицает.

Микаэль до сих пор не верит.

— Вы закончили? — спрашиваю я, отодвигая папку.

— Он начал, — спокойно отвечает Антонио.

— Разумеется, — говорит Алехандро.

Я качаю головой, но уголок рта всё-таки дёргается.

Алехандро кладёт ручку на стол и возвращается к делу:

— По этой договорённости я поговорю с ними сам. Не нужно давать им повод считать, что условия ещё обсуждаются.

Я киваю.

Связи с другими донами и группировками — его территория. Он знает людей, с которыми мы работаем, достаточно давно, чтобы отличать настоящую угрозу от попытки произвести впечатление.

Моего отца он тоже знает давно.

Они вместе служили. Потом их пути разошлись, но связь сохранилась.

Со мной у отца всё сложнее.

В детстве он бил меня. Считал, что так воспитывают наследника: правильно, без поблажек. Чтобы знал своё место.

Я ещё тогда думал, что место должно быть у собаки, а не у сына. Вслух говорил не всегда. Потом начал говорить.

Теперь нас разделяет океан, но даже короткий разговор требует усилий. Мы обмениваемся новостями, не задерживаясь на подробностях. Потом он произносит одну фразу — и я снова слышу, каким должен быть, чтобы его не разочаровывать.

Я не хочу разбирать это здесь. Даже про себя.

Алехандро не лезет. Не убеждает меня простить, не напоминает, что отец у меня один. Со Стефано у него свои отношения, со мной — свои.

Он никогда не объявлял, на чьей стороне. Мне не требовалось: рядом с ним я мог не готовиться к следующему замечанию.

Сейчас Алехандро ждёт моего решения. Не говорит за меня и не поправляет при остальных так, словно я всё ещё мальчишка за столом Стефано.

Я часто спрашиваю его совета. Он выслушает, скажет, что думает, — и оставит решение мне. Для него я давно уже не сын Стефано. Я дон, и за принятое решение отвечать тоже мне.

Когда-то я встретил его в Италии, дома, на одной из семейных встреч. Разговорился. Начал задавать вопросы.

О картелях, оружии, деньгах. О людях, чьи имена за семейным столом произносили так, будто все присутствующие и без объяснений понимали, о ком идёт речь.

Алехандро отвечал без красивых историй. Наверное, рассчитывал, что подробности охладят мой интерес.

Получилось наоборот.

С тех пор я достаточно узнал о том, что остаётся за пределами семейных разговоров.

Теперь решения принимаю я. И если от имени Falco Nero дано слово, менять его содержание ночью перед сделкой нельзя.

Алехандро поднимает папку.

— Подтверждение пришлю после разговора.

Я киваю. Он смотрит на Антонио:

— А ты сначала поешь.

— Я уже ел.

— Кофе не считается.

С посторонними мы разговариваем иначе. Здесь можно напомнить человеку, который распоряжается оружейными поставками, что ему пора обедать. Даже нужно.

За этим столом никто не забывает, кто принимает решения. Поэтому мне не приходится напоминать. Они спорят со мной, указывают на ошибки, позволяют себе слова, за которые чужого я бы оборвал. Иногда — выстрелом.

Они знают меня достаточно хорошо, чтобы понимать разницу между несогласием и неуважением. Я знаю их доста-

точно хорошо, чтобы выслушать.

Антонио снова трёт висок.

— Закончим со встречей — поедешь домой.

— У меня ещё звонки.

— Передашь Алехандро.

— Маттео, ты тоже не спал.

— Поэтому не будем тратить время на спор, в котором ты всё равно не победишь.

Микаэль усмехается, не отрываясь от экрана. Алехандро прячет улыбку. Антонио смотрит на меня ещё несколько секунд и сдаётся:

— Хорошо.

Я открываю следующую папку.

— Теперь о встрече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.